

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 338.242.2

Анализ проявления факторов «Голландской болезни» в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре

Е. В. Бондарева, А. М. Овчаренко, Ю. И. Реутов

(Технопарк высоких технологий, г. Ханты-Мансийск),

Т. А. Грошева

(Институт развития образования, г. Ханты-Мансийск)

Описана полемика относительно применимости термина «Голландская болезнь» к российской экономике. Рассмотрена взаимозависимость динамики таких показателей, как цена на нефть, производительность труда и объём добычи полезных ископаемых. Отражена отрицательная динамика прямого влияния повышения цены нефти на заработную плату, что отражается на количестве работников нефтяной отрасли и производительности труда. Наличие внутриотраслевых и межотраслевых перекосов на примере тенденций развития нефтяной отрасли и отрасли розничной торговли является подтверждением теоремы Рыбчинского и свидетельствует о наличии «Голландской болезни» в экономике Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) — Югры. Проанализировано влияние факторов «Голландской болезни» на промышленность ХМАО — Югры, имеющую свои специфические особенности. Специфика экономики округа продемонстрирована на примере влияния нефтегазовой отраслевой направленности на состояние розничной торговли округа. Приведено сравнение показателей товарооборота регионов с низкой плотностью населения.

Ключевые слова: «Голландская болезнь», теорема Рыбчинского, производительность труда, торгуемые товары, товарооборот.

Введение. Термин «Голландская болезнь» в научной и популярной литературе упоминается достаточно часто, хотя мнения исследователей по вопросу о том, насколько она значима для России, расходятся, тем более что в последние годы не наблюдается явных признаков этой болезни и нет ощущения её серьёзной угрозы для страны [1]. Под «Голландской болезнью» в научной литературе понимается сокращение сектора рыночной экономики, выпускающего торгуемые (tradeable) товары (Т-сектора), вследствие открытия и разработки месторождения газа, нефти и иного минерального сырья, либо повышения мировых цен на него [2, с. 247—248].

Применимость термина к условиям сырьевой экономики России. Высказывалось мнение, что «термин „Голландская болезнь“ некорректно использовать для анализа ситуации в российской экономике» [1, с. 27], поскольку запасы нефти и газа были открыты и использовались в России ещё в советскую эпоху. Это возражение основано на использовании узкого определения понятия «Голландской болезни», как эффекта неожиданного открытия месторождений сырья. Однако многократный рост мировых цен создаёт в стране — чистом экспортёре сырья, эффекты, аналогичные последствиям наращивания добычи. Импорт нефти и газа в Россию незначителен, поэтому можно утверждать, что она являлась и является чистым экспортёром углеводородов, причём в очень значительных, с макроэкономической точки зрения, масштабах. При этом нужно учитывать, что речь идёт не только о негативных последствиях для макроэкономических условий развития страны, но и о глубоко диверсифицированных осложнениях для российских регионов, бизнеса, для рынков труда, для различных категорий работников предприятий и потребителей.

Согласно теореме Рыбчинского, быстрое развитие одних отраслей промышленности нередко угнетающе воздействует на другие. Рыбчинский показал, что существует прямая взаимо-

связь между ростом факторов производства в одной из отраслей и депрессией, или даже падением производства, в других [3].

Негативные тенденции экономики ХМАО — Югры как проявление «Голландской болезни». Далее показано наличие в нефтяной отрасли Югры негативной тенденции — опережающего роста численности занятых при снижении объёмов добычи и производительности труда, являющейся проявлением «Голландской болезни», вызванной существенным увеличением цен на нефть.

Одним из важных показателей, вызывающих озабоченность властей региона, является динамика индекса производительности труда: с каждым годом прирост производительности в этой отрасли всё меньше — от 9,2 % в 2003 году до 0,7 % в 2008 году, в то время как в экономике в целом производительность труда устойчиво росла в среднем на 6,4 % в год (по данным Росстата).

С 2004 года тенденцию к снижению демонстрирует и такой важный показатель, как добыча нефти на одного занятого в нефтяной сфере округа (рис. 2). Так, после резкого спада этого показателя в 2001 году до 1147 тонн на одного занятого, в 2006 году наблюдается наивысшее значение этого показателя, достигшего 1799 тонн на одного занятого. Однако в последующие годы наблюдается снижение, достигшее в 2008 году 1621 тонну на одного занятого (по данным Росстата).

Можно констатировать, что не только темпы производительности труда в нефтедобыче Югры снизились, но стала ниже и сама производительность, то есть, темпы оказались отрицательными (рис. 1).

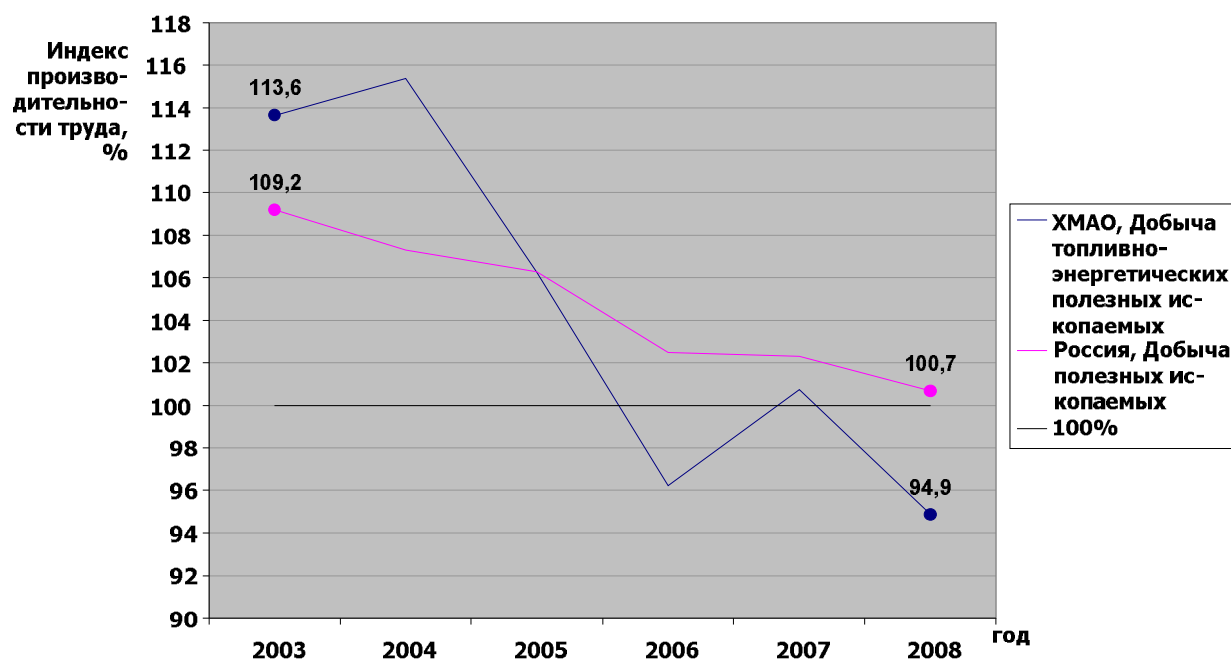

Рис. 1. Индекс производительности труда в РФ и ХМАО (составлено по данным Росстата)

Снизилась и доля сектора добычи полезных ископаемых в производстве регионального валового продукта Югры с 75 % в 2005 году до 66,4 % в 2008 году, то есть производительность других секторов экономики Югры оказалась выше. В то же самое время темпы прироста добычи нефти в Югре последовательно снижались (рис. 2), а в 2008—2009 годах снижались уже и абсолютные объёмы добычи (по данным Росстата).

Казалось бы, о каком росте такого фактора производства, как труд, можно говорить? Вместе с тем, статистика показывает рост числа занятых в нефтяной отрасли Югры.

Численность занятых в нефтяной сфере возросла со 149 тысяч в 2004 году до 169 тысяч в 2008 году. При этом рост происходил волнообразно, сокращение численности занятых в нефтегазовой сфере в 2006 году сменилось резким ростом, и после паузы в 2007-м, численность занятых вновь резко возросла в 2008 году, уже на фоне абсолютного снижения объемов добычи (рис. 3).

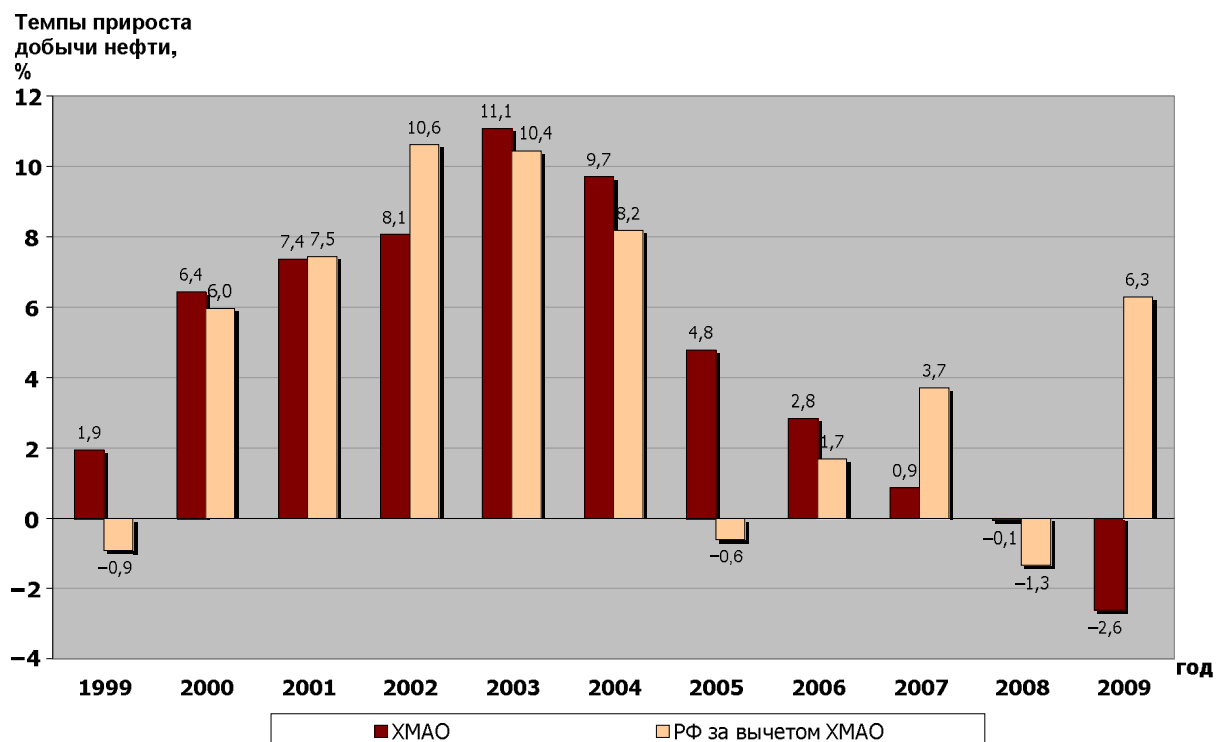

Рис. 2. Темпы прироста добычи нефти в ХМАО и в России за вычетом ХМАО (составлено по данным Росстата)

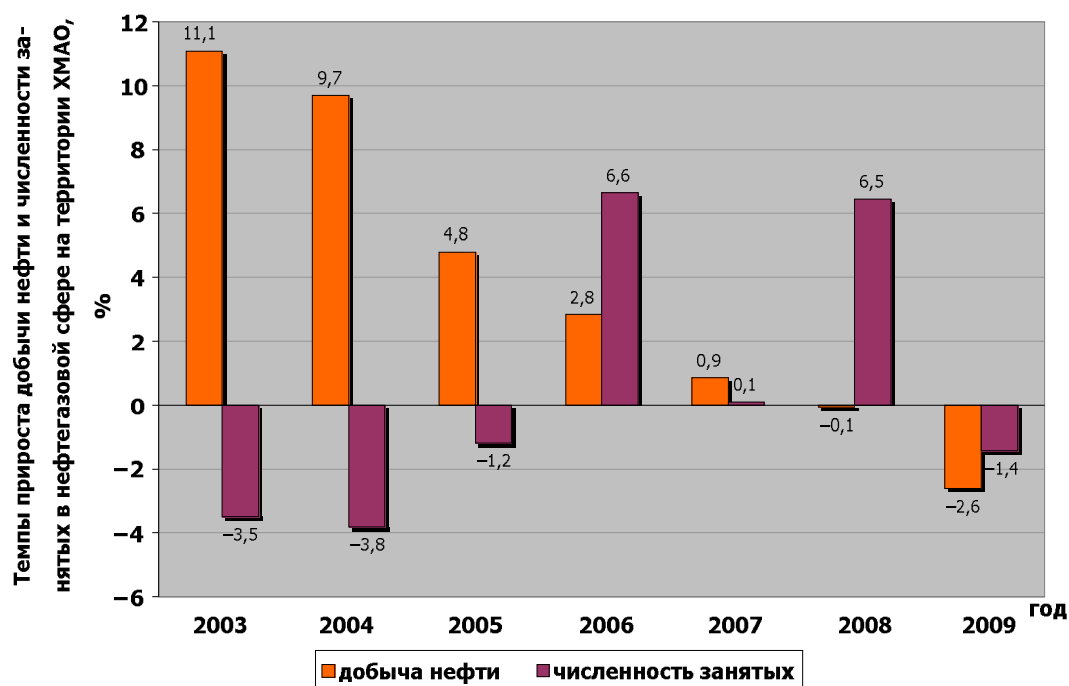

Рис. 3. Темпы прироста добычи нефти и численности занятых в нефтегазовой сфере на территории ХМАО (составлено по данным Росстата)

В то же время в других регионах России, добывающих нефть и газ, наблюдалась противоположная картина — объёмы добытой нефти росли, а численность занятых в нефтегазовой сфере снижалась. Таким образом, в середине 2008 года при плавном снижении объёмов добычи нефти и резком спаде объёмов добычи газа более чем на 5 %, численность занятых в нефтегазовой сфере выросла не менее, чем на 3 % (по данным Росстата).

Опираясь на приведённые данные, можно сделать вывод об избытке рабочей силы в нефтегазовой сфере Югры. Главной причиной данной тенденции является существенное превышение оплаты труда в нефтегазовой отрасли по сравнению с другими отраслями. При этом рост заработной платы не является экономическим стимулом в нефтегазовой отрасли Югры, поскольку не связан с изменением производительности труда (рис. 4), а зависит, в основном, от мировой цены нефти (рис. 5).

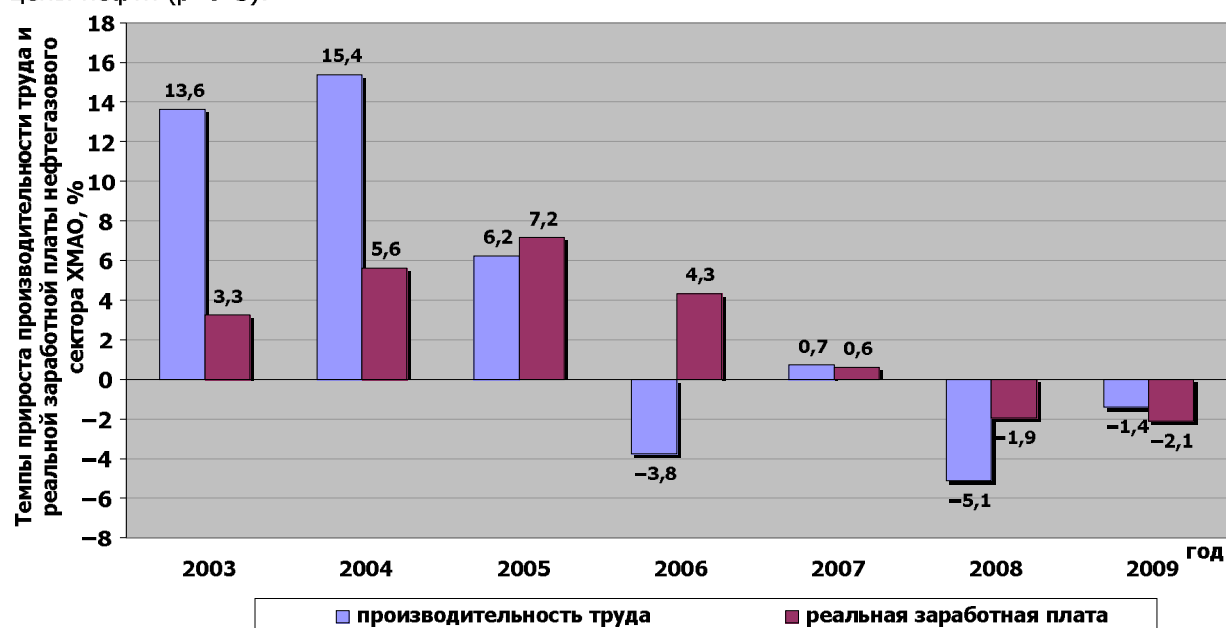

Рис. 4. Темпы прироста производительности труда и реальной заработной платы нефтегазового сектора ХМАО (составлено по данным Росстата)

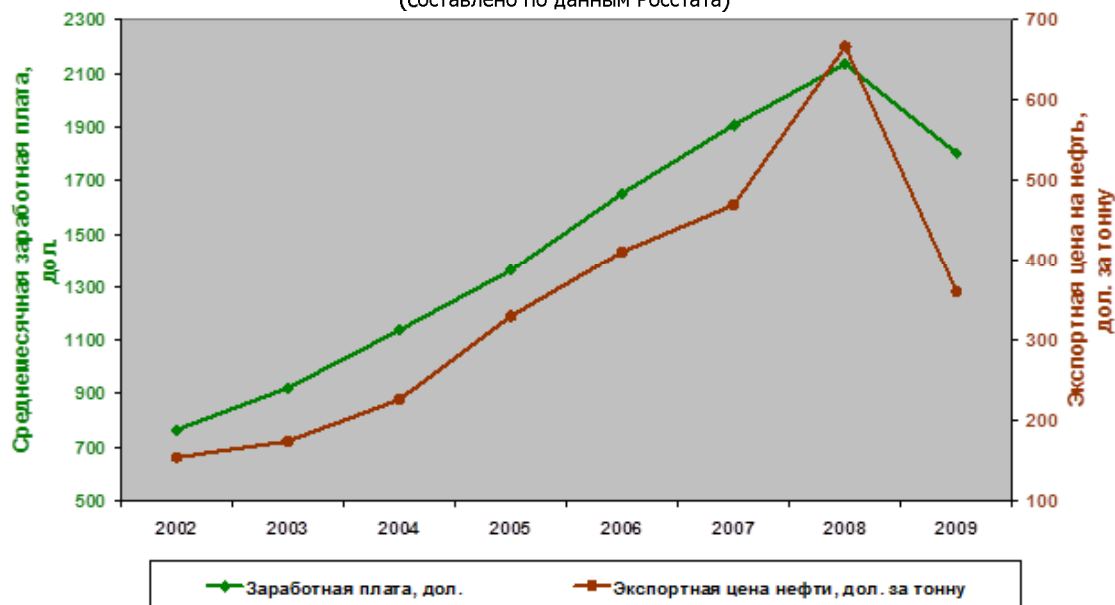

Рис. 5. Среднемесячная заработная плата в нефтегазовом секторе ХМАО и экспортная цена на нефть (составлено по данным Росстата)

Безусловно, анализ ситуации только по показателю средней зарплаты по отрасли даёт представление о самой общей картине. Но можно выдвинуть предположение, что рост цены на нефть стимулирует в первую очередь рост зарплат во всей нефтегазовой отрасли. Так если с 2005 по 2007 год численность работников отрасли добычи полезных ископаемых Югры, чья заработная плата составляла более 75 тыс. руб., изменилась несущественно — с 5530 до 5818 человек, то в 2009-м таких сотрудников стало 12004 человека. По всей видимости, зарплата не связана напрямую с экономической эффективностью отрасли.

Конечно, эта зависимость заработной платы от цены на нефть не является специфической для Югры, она характерна для всей нефтегазовой отрасли страны в целом. Последствия такого воздействия «Голландской болезни» — подавление инноваций, поддержание низкой производительности труда и уровня жизни, торможение экономического роста и модернизации экономики округа.

Рассмотрим воздействие исследуемых проявлений «Голландской болезни» на другие отрасли экономики округа.

Депрессивное состояние лесной и рыбной отраслей округа, сформировавшееся до начала добычи нефти, продолжается до сих пор, несмотря на многомиллионные бюджетные «вливания» [4, с. 16—18]. Более того, «Голландская болезнь» поразила отрасли экономики, не только выпускающие торгуемые (tradable) товары (Т-сектор), но и секторы услуг, например, сектор розничной торговли. Сектор розничной торговли в экономике Югры занимает меньшее место, чем в Российской Федерации. Если в России в данном секторе занято около 17 %, то в Югре — около 9 %.

Экономическое положение ХМАО по многим показателям принципиально отличается от положения в целом по России и уровнем, и динамикой. Например, чрезвычайно важным фактором, обеспечивающим рост розничного товарооборота, является постоянный положительный прирост населения. За 2002—2009 годы по показателю прироста населения впереди Югры (+7,3 %) только 2 субъекта Федерации: Ингушетия (+10,9 %) и Ямало-Ненецкий автономный округ (+7,3 %). Но при этом плотность населения в Югре остаётся одной из самых низких среди российских регионов, также как и показатель густоты автодорог с твёрдым покрытием, что, конечно, является большим препятствием для развития торговли. Прирост населения Югры в большей степени объясняется приростом занятости в сфере нефтедобычи. А вот численность торговых работников остаётся практически неизменной.

Такое исключительное положение Югры создаёт ситуацию, когда численность работников торговли на 1000 жителей является одной из наименьших среди российских регионов, а среднедушевой объём розничного товарооборота (РТО) — одним из наибольших. Другими словами, в 2002—2009 гг. индекс производительности труда по числу обслуживаемого населения, рассчитанный через рост индекса физического объёма РТО и индекса числа работников торговли на 1000 жителей, — один из самых высоких в РФ. Среди регионов с низкой плотностью населения только республика Алтай и Ямало-Ненецкий округ оказываются более производительными по этому сопоставлению.

В то же время, если доля зарплаты торговых работников в среднелюдном объёме РТО по России незначительно меняется на уровне 20 % с тенденцией к повышению, то в Югре ситуация резко отличается: с 2002 года, когда этот показатель составлял 46,2 %, он снизился к 2009 году до 13,6 %.

Следовательно, относительные издержки на оплату труда сотрудников в торговой сфере Югры существенно ниже средних по России при заметно более высокой производительности труда по числу обслуживаемого населения (по данным Росстата).

Численность занятых в сфере торговли относительно всех занятых в экономике по России в целом растёт, а по Югре снижается. Так, за период с 2003 по 2008 год этот показатель по России возрос на 1,8 %, в то время как в Югре снизился на 0,7 %.

Заключение. Тот факт, что при росте численности работающих в нефтегазовой отрасли численность занятых в сфере торговли снижается, говорит о том, что имеет место межотраслевой перекос. В регионе с динамично растущей численностью населения отмечается снижение численности в обслуживающем секторе экономики, таком как торговля. Такое парадоксальное явление говорит о том, что при наличии «Голландской болезни» даже незыблемое правило о зависимости предложения от спроса приобретает специфические очертания. Указанные выше тенденции развития нефтяной отрасли и отрасли розничной торговли в Югре подтверждают теорему Рыбчинского и свидетельствуют о наличии «Голландской болезни» в экономике ХМАО — Югры.

Библиографический список

1. Гайдар, Е. Т. Восстановительный рост и некоторые особенности современной экономической ситуации в России / Е. Т. Гайдар // Вопросы экономики. — 2003. — № 5. — С. 4–18.
2. Gylfason, T. Lessons from the Dutch Disease: Causes, Treatment, and Cures / Institute of economic studies. Working paper series. W01:06. August 2001.
3. Wijenbergen, S. Inflation, Employment and the Dutch Disease in Oil-Exporting Countries: A Short-Run Disequilibrium Analysis // The Quarterly Journal of Economics. — May 1984. — Vol. 99, No. 2.
4. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон. — Москва : Прогресс, 1964. — 779 с.
5. Куриков, В. М. Диверсификация и модернизация экономики нефтегазодобывающего региона / В. М. Куриков, С. А. Наумов // Экономика и управление. — 2011. — № 2. — С. 16–20.

Материал поступил в редакцию 22.10.2012.

References

1. Gaydar, E.T. *Vosstanovitelnyy rost i nekotoryye osobennosti sovremennoy ekonomicheskoy situatsii v Rossii*. [Recovery growth and some features of modern economic situation in Russia.] *Voprosy ekonomiki*, 2003, no. 5, pp. 4–18 (in Russian).
2. Gylfason, T. Lessons from the Dutch Disease: Causes, Treatment, and Cures. Institute of economic studies. Working paper series. W01:06. August 2001.
3. Wijenbergen, S. Inflation, Employment and the Dutch Disease in Oil-Exporting Countries: A Short-Run Disequilibrium Analysis — The Quarterly Journal of Economics, May 1984, vol. 99, no. 2.
4. Samuelson, P. *Ekonomika*. [Economics.] Moscow: Progress, 1964, 779 p. (in Russian).
5. Kurikov, V.M. *Diversifikatsiya i modernizatsiya ekonomiki neftegazodobyvayushchego regiona*. [Diversification and modernization of economy of oil and gas production region.] *Ekonomika i upravleniye*, 2011, no. 2, pp. 16–20 (in Russian).

ANALYSIS OF DUTCH DISEASE FACTORIAL DEVELOPMENT IN KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS DISTRICT — YUGRA

E. V. Bondareva, A. M. Ovcharenko, Y. I. Reutov

(High Technology Park, Khanty-Mansiysk),

T. A. Grosheva

(Institute for Educational Studies, Khanty-Mansiysk)

The polemics relative to the applicability of the 'Dutch disease' term to the Russian economy is described. The dynamics interdependence of such indicators as oil price, labour productivity, and mineral output is considered. The negative impact of the oil price increase on wages that affects the number of oil workers and the labour productivity is featured. The availability of intra- and interbranch skewness through the example of the oil and retail industrial trends bears witness to Rybczynski theorem and shows that there is Dutch disease in Khanty-Mansiysk Autonomous District (KhMAD) – Yugra economy. The Dutch disease factors impact on the KhMAD – Yugra industry with its unique features is analyzed. The specific nature of the district economy is shown through the example of the influence of the oil-and-gas branch orientation on the retail condition. The commodity turnover figures of the regions with underpopulation are compared.

Keywords: Dutch disease, Rybczynski theorem, labour productivity, tradable goods, turnover.